

Митрополит АНТОНИЙ Сурожский

О страхе Божиим и исповеди

Беседа на Рождественском говении 31 декабря 1994 г.

Я проводил среди вас столько говений, что больше не знаю, о чем еще сказать, что было бы на пользу. Попробую сказать то, что сейчас у меня на душе.

Во-первых, слово говение. В основе оно значит «внимание» и дало у нас на русском языке слово благоговение, то есть такое сознание и такое чувство по отношению к Богу, или к Родине, или к какому-нибудь герою духа, которое заставляет нас с трепетом, в каком-то внутреннем молчаливом восхищении предстоять перед этим событием или этим существом. И вот говение – это момент, когда мы можем и должны собрать себя самого (себя самоё), собрать свои мысли и сосредоточить их на том, что может вызвать в нас именно это чувство трепетного благоговения перед чем-то очень великим, очень святым, чему мы можем поклониться с любовью и с внутренним трепетом.

Мы часто употребляем в молитвах выражение страх Божий. И нам надо совершенно ясно понять и помнить, что страх Божий ничего общего не должен иметь с боязнью. Мы не можем принести Богу никакой радости, если будем просто Его бояться и со страху, по боязни – сколько-то стремиться исполнить Его волю. Есть афоризм французского писателя:

«Ты творишь добро и избегаешь зла потому только, что боишься наказания. Как бы я хотел, чтобы ты наказания перестал бояться, а продолжал делать добро и избегать зла». Это мог бы и нам Господь сказать: Я не хочу, чтобы вы делали добро, потому что желаете награды, или избегали зла, потому что боитесь последствий. Я хотел бы, чтобы вы творили добро, потому что оно вас пленяет, потому что в нем красота, потому что в добре – избыток жизни, радости; и чтобы вы избегали зла, потому что зло – уродство... Зло уродует самую душу нашу, но, кроме того, через нас уродует все вокруг: и человеческие отношения, и людей, и природу, и весь строй мироздания.

Авва Дорофей говорит о страхе Божиим так: бывает страх рабский, когда человек боится наказания и потому, пресмыкаясь, старается творить волю Божию только чтобы избежать наказания. Есть другой страх: страх наемника, который старается творить волю своего хозяина, господина в надежде, что получит какую-то награду. И есть третий род страха, который должен быть свойственен нам, верующим: это страх – как бы не огорчить любимого и любящего. Этот страх мы все знаем в той или иной мере по отношению друг ко другу. Мы стараемся не ранить своих друзей, не огорчать тех, в любви которых уверены и кого любим сами, пусть даже очень несовершенно. Тот страх, который чувствует раб по отношению к жестокому хозяину, господину, не имеет места в наших человеческих отношениях, если они хоть сколько-то здоровы. А страх наемника – тоже низкий, низкопробный род страха. Неужели кто-нибудь из нас хотел бы заслужить любовь, ласку, внимание, поддержку другого человека только тем, чтобы подстраиваться под его волю, подстраиваться под его надежды и желания? Мы это чувствовали и переживали бы как подкуп. Это измена человеку, это даже не попытка его обрадовать, ему помочь.

И вот эти понятия нам надо особенно применять к нашим отношениям с Богом. Мы знаем, – знаем из Священной истории, из всего содержания нашей веры, что мы Богом. Поэтому мы могли бы рассматривать всю нашу внутреннюю жизнь, все проявления нашей внутренней жизни, то есть всю жизнь нашу в целом, как стремительное желание обрадовать Того, Кто нас так умеет любить – Бога. Вся цель христианской жизни, в сущности, могла бы свестись к тому, чтобы Богу доказать, что Он не напрасно нас полюбил всей Своей жизнью, всей Своей смертью, всем Своим Существом. Если бы мы так думали о христианской жизни, то она стала бы победным шествием. Наша христианская жизнь строилась бы так, как строится жизнь двух людей, которые друг друга любят, – я чуть не сказал: двух влюбленных. Но так оно и есть.

А что Бог нас любит – мы знаем из Священного Писания, мы знаем даже из того, может быть, малого, бедного опыта, какой у нас самих есть о Боге. Вы наверное помните в Послании к коринфянам то место, где апостол Павел говорит о любви: любовь все терпит, любовь на все надеется, любовь всему верит, любовь никогда не перестает...(см. 1 Кор. гл. 13). Подумаем о том, как к нам относится Бог, и поставим перед собой вопрос: неужели меня, каков я есть на самом деле, можно так любить? Неужели можно меня любить так, чтобы, несмотря на все мои измены, на мою неверность – надеяться на все? Неужели никогда в Боге не поколебалась надежда на меня, вера в меня? Неужели Его любовь всегда оставалась неизменной?..

Иногда в жизни нам доводится встретить нечто, что может послужить подобием, если хотите, иконой того, о чем я сейчас говорю. Когда я был мальчиком лет десяти, я о Боге ничего не знал и знать не хотел, Он для меня не существовал. Но в детском летнем лагере я встретил священника, который меня поразили чем-то, что я понял только много-много лет спустя.

Он нас, мальчиков, любил, – любил неизменно. Он любил нас не в награду за то, что мы бывали хорошими детьми, он не переставал нас любить тогда, когда мы оказывались недостойными его доверия, его любви, его наставлений. Он нас любил ровной, теплой, ласковой любовью, – с той только разницей, что когда мы бывали добрыми детьми, его любовь сияла радостью, была ликованием о нас, а когда мы отпадали от добра, его любовь превращалась в острую боль и в сострадание. Его боль была не только о том, что он так много ожидал от нас, так надеялся – и был разочарован. Не в этом было дело; а в том, что он нас видел, какими мы должны были бы быть, и с болью, с ужасом, именно с состраданием видел, что мы отпали от той красоты, того благолепия, которое могло бы быть нашим.

Меня это поразило очень глубоко, я к этому священнику очень привязался, но понял только много лет спустя, когда меня вдруг поразило, что такова именно Божия любовь по отношению к Его твари. Бог создал целый мир, Он этому миру доверил жизнь, то есть способность свободно развиваться, шириться, расти, углубляться и вступать во все более глубинное общение с Ним Самим, и через это делаться святыней. Он создал человека, которому дана была не только эта как бы органическая свобода, но еще и понимание путей Божиих. И Он нас создал, зная, что рано или поздно мы можем оступиться, можем пасть, можем оказаться неверными Ему и себе. И все-таки Он нас создал, – создал с полной верой, что Его поступок не напрасен, создал с полной надеждой на нас, создал, зная, что Его любовь никогда не остынет, что Он никогда не отвернется от нас, даже если мы от Него отвернемся или отречемся. И эта вера, эта надежда, эта непоколебимая любовь оказались в истории мироздания не только чувством, но чем-то большим.

Я вам приводил несколько раз отрывок из Жития протопопа

Аввакума, где он сам цитирует писателя древности, который так описывает Предвечный Совет, то есть совещание внутри Святой Троицы перед сотворением мира:

«И сказал Отец: Сын Мой, сотворим мир и человека. – И Сын ответил: Да. Отче. – И Отец продолжал: Но человек отпадет от Нас, изменит своему призванию, и для того чтобы его вернуть к блаженству, придется Тебе стать человеком и умереть за него... И Сын ответил: Да будет так, Отче!..» И был создан мир; и еще в недрах, в глубинах Святой Троицы, вне времени и пространства, Сын оказался Тем, Кого апостол Павел называет Агнцем Божиим, закланным до создания мира. Он будет принесен в жертву, умрет по любви, чтобы спасти тех, которые изменят своему призванию и отвернутся от Бога и Отца, которые перестанут быть детьми Божиими и не смогут больше называть Бога Отцом своим, смогут видеть в Нем только непостижимого, величественного и страшного Бога, Которого мы встречаем в некоторых частях Ветхого Завета.

И вот весь смысл нашей христианской жизни можно свести к очень простому: убедить Бога в том, что Он не напрасно уверовал в нас, убедить Бога, что Он не напрасно на все надеялся, убедить Его, что Его никогда не умирающая любовь нашла ответ в наших сердцах. Вся цель христианской жизни в том, чтобы Бога обрадовать: да, мы это всё поняли и соответственно с этим хотим жить.

Я сказал «хотим», потому что мы не живем согласно самым высоким, светлым устремлениям нашей души. Мы живем порывами. Бывают светлые моменты, когда вдруг все делается ясным в душе, бывают моменты потемнения. Но находимся ли мы во свете или в полумраке, или даже в том, что кажется нам непроглядным мраком, мы можем продолжать верить и надеяться. Надеяться, потому что знаем: что бы ни случилось с нами, Бог нас никогда не оставит, никогда не извернется в

нас, Его надежда никогда не умрет.

Бывают моменты, когда мрак так сгущается, что мы едва можем сохранить свою веру. Есть рассказ из жизни святого Антония Великого. На него напали страшные искушения; он боролся, боролся, боролся и наконец упал наземь и лежал в совершенном изнеможении; и в этот момент перед ним явился Христос. И даже не в состоянии подняться, чтобы поклониться своему Богу и Спасителю, Антоний Ему сказал: «Господи, где же Ты был, когда я боролся и когда было так страшно?» И Христос ему ответил: «Я невидимо стоял рядом с тобой, готовый вступить в бой, если бы только ты сам заколебался». И мы должны помнить, что даже в моменты, когда делается так темно и так страшно, когда всё – непроглядная тьма, не видать света, пути нет перед нами, – мы должны помнить, что Тот, Который назвал Себя Путем, – рядом с нами, и что самая тьма является путем нашим.

И когда мы собираемся на говение, очень важно поставить вопрос именно так, как я его ставлю: что вся цель жизни – дать Богу хотя бы мгновение радости о том, что Он понят, что Он любим, что, хотя мы не умеем быть верными до конца, но бывают проблески верности; что все силы свои мы напрягаем на то, чтобы Он понял, что не напрасно Он жил, не напрасно умирал: мы это понимаем и в ответ на Его любовь делаем все, что наших силах, чтобы Его любовь оказалась оправдана, Его надежда была оправдана, Его вера в нас была оправдана.

Если так думать о нашей духовной жизни, тогда она делается чем-то положительным, не попыткой как бы «оправдаться» перед Богом, не попыткой «выслужиться» перед Ним, не

попыткой «избежать вечных мучений». Мучения – ничто по сравнению с тем, что, вдруг став перед Богом, мы поняли бы: единственное, что мы могли принести Богу, это любовь, – и мы этого не сделали... В это мгновение вдруг оказывается, что все старания избежать мук, «выслужиться» перед Богом, ничего не значат, если не вложено сердце. А сердце означает – сильную любовь к Нему и, главное, веру в Его любовь.

И вот поставьте перед собой вопрос: как вы строите свою внутреннюю духовную жизнь? Является ли она искренним желанием – да, я скажу будто нелепо – утешить Бога в том, что Ему пришлось отдать Своего Единородного Сына на смерть из-за того, что мы оказались неверными, утешить и в том, что мы не верим в Его любовь и строим свою жизнь, будто мы рабы или наемники, а не сыновья и дочери.

Если поставить вопрос, доступно ли это нам, возможно ли это, святой Серафим Саровский ясно отвечает, что между погибающим грешником и спасающимся святым только одна разница: решимость. Решимость бороться – за свет; бороться не против тьмы, а за свет. Говоря образно, против тьмы можно бороться только тем, чтобы открыться свету. Если в какой-либо камерке или комнате темно, единственный способ изгнать тьму – открыть ставни, раздвинуть занавески, дать свету пролиться через окно туда, где только что царствовала тьма. Решимость заключается в том, чтобы открыть занавес, открыть ставни, удалить то, что не дает Богу войти. В книге Откровения есть слова: Стою у двери и стучу... Бог постоянно стучится в наше сердце, в наше сознание, в нашу волю, даже в наше плотское существо стучится: есть ли Мне место в твоём уме, в твоём сердце, в твоём теле, в твоей воле, во всех силах твоей души и тела? Открой, дай Мне войти, и ты увидишь, что с Моим входом свет прольется, сила и жизнь войдут, и сделается возможным то, что раньше казалось совершенно невозможным...

И опять-таки, поставим перед собой вопрос: есть ли у нас решимость Богу дать радость, так же как когда, общаясь друг с другом, особенно с любимым человеком, мы думаем о том, как бы его обрадовать, как бы его утешить, как бы ему помочь. Вот это и есть все содержание нашей жизни. Конечно, при этом нам приходится бороться с нашим несовершенством, с нашей как бы незрелостью, полуслепотой. Но чтобы победить, надо устремляться к тому, что Божие, что дает жизнь, а не против того, что отнимает жизнь. Этим я хочу сказать, что надо в себе искать постоянно то, что (нас уже сродняет со Христом. Я об этом говорил много-много раз, но – Боже мой! – это же самое важное, что мы можем сделать!

Как часто мне говорят: «Вот, я читаю Евангелие, и каждая строчка меня обличает. Постоянно я нахожу в нем осуждение себе, и чем больше я читаю, тем меньше надежды, тем меньше радости». Какое это изуверское чтение Евангелия! Евангелие – книга, где раскрывается Божия любовь к нам, книга, в которой Бог нас предупреждает, что должно сойти с пути, чтобы этот путь стал гладок и прям, чтобы мы могли по нему дойти до Бога и Бог мог дойти до нас; чтобы в какой-то момент это уже был не наш путь, а Сам Бог так соединился с нами, что Он был нашим путем...

Повторю то, что я много раз говорил. Читая Евангелие, отмечайте те отрывки, которые ударяют вас в сердце, от которых затрепещет сердце, которые вдруг прольют какой-то свет в ум, которые вдруг стягнут, соберут нашу волю, соберут наши силы и телесные, и душевные. Это момент, когда, оказывается, мы уже созрели к пониманию того, что говорит, делает Христос, или того, что вокруг Него происходит. Все это уже созрело в нас, мы – один из людей в той толпе, которая Его окружает; но не просто человек в толпе, который не понимает того, что Христос говорит, а человек, который

может поставить вопрос и получить ответ, или человек, который прислушивается к Его речи и получает ответ на вопрос уже в нем созревший, хотя сам он этот вопрос еще даже не поставил.

И вот – читайте Евангелие так. Поставьте перед собой вопрос: что между мной и Христом общего? Если я могу всем существом содрогнуться от того, что я прочел, от того, что я слышал в Евангелии, это значит, что в этом, может быть, очень малом чем-то, Христос и я уже заодно, у нас уже только одна душа, одна мысль. О, это не значит, что, поняв нечто, я способен этим жить изо дня в день, оставаясь верным. Но я должен знать, что это уже как бы частица образа Божия во мне, которая не осквернена, которая очищена, и эту частицу мне надо оберегать, как святыню, потому что в этом Христос и я похожи друг на друга, мы созвучны, мы единомысленны, мы единомысленны, у нас общая воля. Поставьте перед собой вопрос: вот я читаю Евангелие, читаю Послания. Какие места меня ударили в сердце? Какие места для меня имеют смысл? И когда найдете эти места – пусть будет одно, или два-три – поставьте опять-таки перед собой вопрос: остался ли я верен тому, что вдруг во мне раскрылось как правда, как жизнь, как радость, как свет?.. Если нет, то в этом надо каяться. Не обязательно каяться в бесчисленном другом, что можно найти в Священном Писании, что нас обличает в несовершенстве, – каяться в том, что я изменил себе и Христу там, где мы уже были едины.

Подумайте над этим и поставьте себе целью в будущем так строить свою жизнь, чтобы никогда не нарушать того, что уже в вас раскрылось как Христово, строить свою жизнь так, чтобы она была Богу утешением и радостью.

И не только Богу, но и Божией Матери. Она нам отдала Своего Сына. Она никогда, ни разу в Евангелии не старается

Его отвлечь от крестного пути, по которому Он пошел. Когда Он еще лежал в яслях вифлеемских, мудрые волхвы принесли свои дары: ладан – как Богу, золото – как царю, но уже тогда Младенцу в яслях было принесено тоже миро – в знак смертности. Он только родился – и уже знак смерти был на Нем. В этом Младенце мы можем видеть, что представляет собой Божия любовь. Она отдана нам, подарена нам беззащитно, бесправно; она зависит от того, как мы на нее отзовемся. Поставим опять-таки вопрос, который мы могли бы поставить по отношению к человеку. Человек нас любит всем существом; как мы отвечаем на эту любовь? Вы можете поставить этот вопрос по отношению к людям, которые вас любят, и к людям, которых вы любите или урывками, или постоянной, верной, глубокой любовью. И сравните, какова ваша любовь, ваша верность по отношению к любимым и к любящим, и по отношению к Богу. Испытайте свою душу, свое сердце, свои мысли, как я старался вам это представить и как я стараюсь это делать. И тогда путь к спасению – да, будет борьбой, будет непрерывным сражением, но будет путем радости, восхождением к свету, к жизни, к ликованию. Так жить – стоит, так стоит искать Бога. И ища Бога так, мы и себя находим, потому что лишь постольку, поскольку мы делаемся похожими на Христа, родными Ему, раскрывается в нас наша подлинная сущность, которая выражена так изумительно святым Иринеем Лионским: он говорит, что когда завершится полнота времен, то мы все в единстве со Христом и силой Святого Духа станем по отношению к Богу и Отцу уже не приемными детьми, а все вместе – единокровным Его сыном.

Окончание следует.

[ВЕСЬ НОМЕР ГАЗЕТЫ №3\(40\)](#)

WWW.21.RU

Участник
Rambler's
TOP 100

РЕЙТИНГ
mail.ru

HotLog
60906 +2

HotLog
60905 +1

